

УДК 93/94

Татаренкова Н.А.¹

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ В
НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ (1917—1927 гг.)**

Самарский государственный технический университет

Tatarenkova N.A.

**CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA IN THE NEW POLITICAL REALITIES
(1917—1927)**

Samara State Technical University

Аннотация. В статье рассматривается политика по отношению к памятникам истории и культуры, которая проводилась в советской России в 1917—1927 гг. Анализируется деятельность впервые созданных государственных органов охраны культурно-исторических ценностей, роль музейных специалистов в их спасении, усиление тенденции утилитарного подхода к культуре. Прослеживаются как положительные изменения, так и негативные стороны «культурной революции», повлекшей утрату множества памятников искусства и старины. Показывается деятельность по первой государственной регистрации культурных ценностей, хранящихся в бывших дворянских усадьбах и находящихся в собственности Русской Православной Церкви. Подчеркивается, что музейные отделы с немногочисленным штатом сотрудников и слабым финансированием не могли справиться с задачей организации действенного контроля над всем художественно-историческим наследием. Делается вывод о том, что чрезмерная централизация дела охраны памятников не позволила в полной мере реализовать провозглашенные цели и задачи сбережения культурных богатств.

Ключевые слова: губернский отдел народного образования; дворянская усадьба; культурное наследие; музей; музейные работники; Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения; художественные ценности.

---

¹ Татаренкова Наталия Андреевна — канд. ист. наук, доцент Самарского государственного технического ун-та.

Abstract. The article discusses the policy in relation to the monuments of history and culture, which was carried out in Soviet Russia in 1917—1927. The activities of the newly created state bodies for the protection of cultural and historical values, the role of museum specialists in their salvation, and the increasing trend of the utilitarian approach to culture are analyzed. Both positive changes and negative aspects of the «cultural revolution» that caused the loss of many monuments of art and antiquity are traced. The activity of the first state registration of cultural property stored in the former noble estates and owned by the Russian Orthodox Church is shown. It is emphasized that the museum departments with a small staff and poor funding could not cope with the task of organizing effective control over the entire artistic and historical heritage. It is concluded that the excessive centralization of the protection of monuments did not allow to fully implement the proclaimed goals and objectives of preserving cultural wealth.

Key words: provincial department of national education; noble estate; cultural heritage; museum; museum workers; Department of Museums and Art and Antiques Protection of the People's Education Commissariat; art values.

После революционных событий 1917 г. в России меняется парадигма общественного развития. Новые политические реалии накладывают свой отпечаток на культурные процессы, в которых удивительным образом переплетаются провозглашенная советской властью линия на сохранение памятников искусства и старины и «революционный нигилизм» многих её лидеров, а также рядовых участников происходящих событий.

Целью предлагаемого исследования является анализ деятельности вновь созданных органов охраны культурно-исторических ценностей в условиях 1917—1927 гг. Автор ставит перед собой задачи рассмотреть, как реализовывалась на местах политика Народного Комиссариата Просвещения по отношению к культурному наследию, роль музейных специалистов в его спасении, а также усиление тенденции утилитарного подхода к культуре.

Актуальность данных проблем определяется тем, что в настоящее время продолжается процесс переосмысления советского опыта в разных областях общественной жизни, в том числе и в культурной. В этой связи необходимо показать как положительные изменения, так и негативные стороны «культурной революции», разрушившей многие памятники истории и культуры. Вклад автора в изучение обозначенной темы заключается в вовлечении в научный оборот новых архивных материалов, позволяющих дополнить картину культурных изменений в России в первое послереволюционное десятилетие, создаваемую рядом российских исследователей.

В 1917—1927 гг. впервые в истории России была сформирована государственная система охраны памятников истории и культуры. Она включала в себя центральный орган — Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения — и аналогичные подразделения на местах, в губерниях и уездах страны. Этот факт можно признать несомненным достижением новой власти.

Все названные новые структуры активно включились в решение поставленных перед ними задач, в числе которых первоочередными были постановка на учет и регистрация всех художественных и исторических памятников, собраний частных владельцев, обследование бывших дворянских усадеб, многие из которых были брошены их бывшими хозяевами. Фактически была начата масштабная «инвентаризация» тех культурных богатств, которые имелись в стране. При этом собрания частных владельцев ликвидировались, превращались в государственные музеи путем национализации. Многие коллекции вследствие отъезда или смерти их владельцев либо конфискации их имущества соответствующими органами советской власти вывозились в созданный Государственный Музейный Фонд. Таких собраний, вывезенных в Государственный Музейный Фонд в 1918—1923 гг. по Москве и Петрограду, было 135. За пять лет было взято на учет в Москве 438 художественных собраний частных владельцев и 302 в Петрограде. За это время в хранилища Фонда в Москве поступило более 100 тыс. музейных предметов, в Петрограде — около 140 тысяч (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 252. Л. 4).

Государственный Музейный Фонд являлся главным источником пополнения всей государственной музейной сети, начиная с центральных и заканчивая провинциальными музеями. Новая власть ставила задачу распределить художественные ценности по музеям крупных центров страны, полагая, что пролетариат и крестьяне Тульской, Тверской, Саратовской, Царицынской и других губерний достойны того, чтобы получить хотя бы часть тех сокровищ, «которые были куплены на их же деньги» (Ольминский М.).

В течение 1918—1923 гг. в Государственный Музейный Фонд поступило более 200 тыс. предметов, имеющих историческую и культурную ценность. Из них 120 тыс. предметов было выдано различным музейным учреждениям. Самое крупное пополнение получил Эрмитаж — 25 тыс. художественно-исторических предметов и коллекцию монет, насчитывающую 35 тыс. штук. Оружейная палата Москвы пополнилась на 10 тыс. предметов. Московским музеям было выдано из Фонда более 51 тыс. предметов, петроградским — до 35 тыс. Кроме центральных музеев были пополнены коллекции Казанского,

Вятского, Ростовского, Костромского, Витебского, Симферопольского, Уфимского, Сибирского, Пермского и других музеев (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 252. Л. 8).

На всей территории России работа по учету и охране памятников искусства и старины начиналась с издания соответствующего постановления местных губисполкомов. В нем обычно провозглашалось, что все художественные ценности — картины, гравюры, фарфор, бронза, мебель, предметы религиозной старины, редкие библиотеки и пр. — принимаются на учет и охрану музейной секцией (подотделом) при губернском отделе народного образования. С момента издания постановления гражданам и организациям запрещалось без её разрешения продавать и перемещать культурные ценности. Музейному подотделу предоставлялось право осмотра складов, магазинов, учреждений и частных квартир на предмет обнаружения художественно-исторических ценностей. Ему же передавались все реквизированные и конфискованные памятники искусства и старины (Культурное строительство в Оренбуржье..., с. 49—50).

Так, в октябре 1918 г. коллегия подотдела по охране культурных ценностей Самарского губернского отдела народного образования на своем заседании рассматривала вопрос об имуществе ряда городских особняков, оставшемся бесхозным вследствие того, что его владельцы в ходе революции и развертывающейся гражданской войны оказались за границей. Было решено выделить 3 тыс. рублей на перевозку имущества из особняка дворянина С.Н. Алашеева, известного в городе коллекционера, художника-любителя, фотографа, а также из особняка потомственной почетной гражданки Самары А.С. Шумовой. Все обнаруженные там предметы, имеющие художественно-историческую ценность, должны были поступить в губернский музей. Тогда же решением коллегии в село Рождественно Самарской губернии был командирован специалист-эксперт Н.Н. Васильев для осмотра библиотеки и других предметов старины в имении купеческой семьи Ушковых (СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 6), которые в конце XIX — начале XX вв. были одними из крупнейших владельцев химических заводов в стране. После 1917 г. они покинули Россию, а усилий музейного подотдела не хватило на то, чтобы предотвратить расхищение богатого купеческого дома.

Очевидно, что музейные отделы с немногочисленным штатом сотрудников и скудным бюджетом не могли справиться с задачей организовать действенный государственный контроль над всем художественно-историческим наследием, имевшимся в стране. Из некоторых регионов, как например, из Костромы, в 1919 г. в Наркомпрос поступала информация о том, что музейный отдел вообще невозможно сформировать, так как нет

средств на содержание ни его заведующего, ни тем более специалистов. Смета, утвержденная для него на 1919 г., вообще не предусматривала финансирования штатов (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 28. Д. 77. Л. 137 об.).

Осенью 1918 г. для работы в Костромской отдел охраны памятников искусства и старины был приглашен Николай Николаевич Виноградов, личность сложная и неоднозначная. Он был уроженцем Костромской губернии, из семьи сельского священника, закончил здесь в 1896 г. духовную семинарию, впоследствии — Московский университет. С 1902 г. Н. Н. Виноградов занимался музейной работой: собирал предметы для музея императора Александра III в Петербурге, работал в нем, участвовал в создании музея дома Романовых к 300-летию династии в Костроме. Еще до революции 1917 г. он был известен своими публикациями в изданиях Академии наук. Однако его возвращение на малую родину было связано не с хранением прокламаций, как сам Виноградов писал в своей автобиографии, а с тем, что он был уличен в краже музейных предметов [3]. Этот факт своей биографии ученый, видимо, тщательно скрывал, потому что в 1918 г. не возникло никаких препятствий для принятия его инструктором в музейный подотдел. В течение осени этого года Н. Н. Виноградов обследовал в Костромской губернии 26 церквей, 3 монастыря, домовые церкви и часовни, библиотеки и собрание рукописей в монастырях (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 28. Д. 77. Л. 137 об.). Знаменитый российский ученый Д.С. Лихачев в своих воспоминаниях писал о Виноградове как о человеке, хорошо разбирающемся в искусстве и древностях. Однако в ноябре 1925 г. Виноградов был арестован и отправлен в Соловецкий монастырь, ставший к тому времени тюрьмой, за кражи из государственных музеев и архивов. Если материалы его дела соответствуют истине, то он во второй раз оказался пойман на воровстве. На Соловках Н.Н. Виноградов продолжал активную научную жизнь, но в 1938 г. по решению «тройки» НКВД был приговорен к расстрелу [2].

Необходимо отметить, что информация о музейных деятелях 1920-х гг. в архивных документах довольно скудная. Современным исследователям еще предстоит изучить их роль в спасении памятников искусства и старины, формировании музейных коллекций в условиях 1917—1927 гг. В этой связи заслуживает внимания биографический словарь о коллекционерах и музейных деятелях Смоленского края конца XIX — первой трети XX вв. [1]. Он предлагает краткие сведения о более чем пятидесяти известных и малоизвестных музейных деятелях (П.Д. Барановский, И.Ф. Барщевский, С.С. Деев, А.В. Китаев, Л.Я. Лавровский и др.). Обобщая их, а также имеющиеся в нашем распоряжении документы, можно сделать вывод, что к спасению художественно-исторических ценностей новая

власть привлекала подготовленных к этому специалистов, готовых сотрудничать с ней в этой области. Абсолютное большинство из них достойно и честно выполняли свой профессиональный и гражданский долг. Уже в 1918 г. Наркомпрос осознал, что только при активной помощи всех заинтересованных лиц, общими усилиями государства и местных «культурных сил» можно надеяться спасти для будущей России «ущелешшие остатки её культурно-исторических сокровищ» (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 28. Д. 23. Л. 6 об).

В 1918—1923 гг. музейный отдел Наркомпроса предпринял обследование бывших дворянских усадеб. Если имевшимся в них культурно-историческим ценностям грозила опасность расхищения или гибели, то они вывозились в Государственный Музейный Фонд. Если усадьба по своей архитектурной ценности и значительности художественного материала могла в дальнейшем существовать в качестве музея, то она национализировалась и превращалась в музей-усадьбу. Сотрудниками охранного ведомства за пять лет было обследовано 523 усадьбы, большая часть из них пришлась на Московскую губернию (137) и центральный район (Рязанская губерния — 44, Тульская губерния — 44, Смоленская губерния — 36, Калужская губерния — 35). В музеи превращались преимущественно подмосковные усадьбы. В период 1918—1923 гг. Наркомпрос выдал 120 охранных грамот по усадьбам Московской и Петроградской губерний.

В российской провинции масштабы работ были, конечно, меньшими, но не менее значимыми. Так, в Новгородской губернии музеем стало бывшее имение графа А.А. Аракчеева «Грузино», в Музей дворянского быта было преобразовано родовое имение Строгановых-Голицыных «Марьино», имения «Михайловское» и «Тригорское» объединили в заповедный «Пушкинский уголок» в Псковской губернии (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 252. Л. 2—3, 6).

В Тамбовской губернии единственной усадьбой, получившей охранную грамоту, была усадьба «Караул» Б.Н. Чичерина, известного либерального общественного деятеля, где до революции её владелец собрал богатую библиотеку, в том числе и на иностранных языках, а также выдающиеся произведения русских и европейских художников. Его племянник, нарком иностранных дел советской России Г.В. Чичерин, в январе 1921 г. обратился к председателю Тамбовского губисполкома А.Г. Шлихтеру с письмом, в котором выразил опасение по поводу сохранности культурных ценностей, находящихся в бывшем имении его дяди. Он посчитал нецелесообразным оставлять их в «деревенском захолустье» и предложил перевезти в Тамбов, культурный центр губернии (Культурное строительство в Тамбовской губернии..., с. 185). Когда в 1927 г. Музей дворянского быта в Ка-

рауле лишился охранной грамоты, его коллекции были переданы в Тамбовский губернский музей, а также музеи Москвы и Ленинграда.

Очевидно, что не все усадьбы и имения знаменитых деятелей русской культуры могли получить подобную протекцию, как «Караул». На многие из них у государства просто не было средств. Тогда задача охраны возлагалась на ближайших родственников, если таковые имелись. Так, в июне 1922 г. заведующая музейным отделом Наркомпроса Н.И. Седова (Троцкая) в переписке с заведующей Саратовским губмузеем отмечала, что национализация усадьбы художника В.Э. Борисова-Мусатова при существующих крайне ограниченных государственных средствах неосуществима. Вместе с тем в документе подчеркивалось, что сохранение дома и усадьбы художника имеет большое историко-культурное значение: в этом доме он жил и создал самые известные произведения, составившие славу русского искусства конца XIX — начала XX вв. Решение проблемы было найдено в том, чтобы Саратовский исполком Советов провел демунципализацию владения и передал его сестре художника А.Э. Немировой. Она должна была заботиться о неприкосновенности внешнего вида деревянного флигеля, который оставался под «наблюдением» Саратовского губмузея (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 338. Л. 115). Благодаря усилиям саратовских краеведов, сотрудников музея и инспекторов по охране памятников городская усадьба В.Э. Борисова-Мусатова была включена в список памятников истории и культуры Саратовской губернии, однако музеем в 1920-е годы так и не стала.

В 1918—1923 гг. Музейный отдел Наркомпроса выдал около 480 охранных грамот на частные собрания художественно-исторических ценностей в Москве и Петрограде (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 252. Л. 6). Выдача охранной грамоты и объявление объекта культуры национальным достоянием не означали того, что государство «автоматически» будет выделять на его содержание, реставрацию и другие мероприятия необходимые средства. Зачастую такой шаг был лишь «декларацией о намерениях». Например, в 1918 г. племяннику композитора М.И. Глинки А.М. Глинке-Измайлову была выдана охранная грамота на вещи своего великого дяди. В 1919 г. он обратился в Рославльский музей Смоленской губернии с просьбой взять их себе на хранение, так как сам не имел для этого необходимого помещения. Однако в течение пяти лет на эту и аналогичные просьбы в адрес Наркомпроса и подчиненных ему музеев никто не реагировал. А.М. Глинка-Измайлов с горечью писал об этом в Музейный отдел НКП, считая, что тем самым оскорбляется память создателя русской музыки. В 1923 г. он высказывал пожелание передать вещи композитора в музей при Большом театре или консерватории (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 297. Л. 85).

Отделы охраны памятников искусства и старины в исследуемый период принимали в свое ведение художественно-исторические ценности, находившиеся ранее в церквях и монастырях, проводили в отношении них регистрационные работы. В первую очередь были описаны все соборы и церкви Московского Кремля, в которых зарегистрированы около 15 тысяч предметов, имеющих историческое значение. Далее были обследованы более 500 церквей и монастырей Москвы, более 350 — Петрограда. Затем аналогичная работа была распространена на ближайшие к столицам губернии (Рязанскую, Смоленскую, Владимирскую, Тульскую), а также северные и северо-западные губернии (Архангельскую, Северо-Двинскую, Череповецкую, Олонецкую, Вологодскую, Псковскую и др.). Всего за пределами Москвы в течение 1918—1923 гг. было осмотрено более тысячи населенных пунктов, взято на учет более 1500 памятников церковной архитектуры, около 10 тыс. памятников древней русской живописи и около 25 тыс. памятников древнерусского прикладного искусства. Наиболее выдающиеся по своему значению церкви и монастыри были превращены в древлехранилища и музеи. Всего было создано 12 древлехранилищ и 14 музеев в монастырях (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 252. Л. 3).

Значительные утраты культурного наследия церквей и монастырей России произошли в период изъятия церковных ценностей в Фонд помощи голодающим в 1922—1923 гг. Экспертами Музейного отдела Наркомпроса было обследовано более 26 тыс. пудов (именно так говорится в отчете отдела) изделий из драгоценных металлов, из них предметов музейного значения было отобрано только около 400 пудов. Они и поступили в Оружейную палату и Эрмитаж (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 252. Л. 3), остальные же тысячи пудов предметов богослужебного культа, изъятые у религиозных общин, были проданы или пущены на переплавку.

Радикальные настроения части населения по отношению к культурным богатствам церкви поддерживались официальной политикой и пропагандой. Она призывала верующих пожертвовать дорогие культовые предметы ради спасения голодающих. На местах эта идея порой находила отклик. Так, в феврале 1922 г. губернский съезд Советов г. Архангельска постановил использовать богатства бывшего Соловецкого монастыря для помощи голодающим. Газета «Правда» тогда же сообщала, что крестьяне Нижне-Девичьего уезда Воронежской губернии на своем сходе постановили продать большой медный церковный колокол, который весил 220 пудов, чтобы купить семена (Правда. 1922. 26 февр.). Подобные публикации служили сигналом для начала антирелигиозных кампаний, в ходе которых гибли не только колокола, но и другие предметы богослужебного культа. Конеч-

но, среди них преобладали предметы, не имевшие художественно-исторического значения, но можно ли было в таком их огромном потоке не пропустить действительно ценные с историко-культурной точки зрения вещи? Ответ на этот вопрос очевиден.

Интересно проследить, как складывалась судьба отдельных выдающихся памятников истории и культуры в новой политической реальности 1917—1927 гг. Великий Новгород являлся уникальным средоточием таких памятников. В апреле 1919 г. коллегия Новгородского губернского отдела народного образования возбудила перед Наркомпросом ходатайство о национализации целого ряда церквей, представляющих собой историческую и художественную ценность. На первом месте в списке была указана София Новгородская (ГАНУ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 135. Л. 16), один из самых древних храмов на территории России, построенный в середине XI в. Спустя полтора года (октябрь 1920 г.) та же коллегия слушала доклад председателя музейного отдела М. Иванова «об ограждении целостности Софийского собора как единственного в своем роде памятника старины путем прекращения богослужения в соборе». При голосовании по этому вопросу четыре члена отдела высказались «за», и трое воздержались. Видимо, такой неявный результат не устроил руководство, и «продолжительное и всестороннее» обсуждение возобновилось. В итоге было принято постановление, о закрытии Софийский собор для богослужения и использовании его для цели просвещения (ГАНУ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 134. Л. 59 об.).

Несколько лет после этого Софийский собор находился в совместном ведении музейщиков и церкви. К осени 1924 г. в нем было создано отделение ценностей Новгородского музея древнего искусства, где было сосредоточено большинство художественно-археологических предметов из ризниц новгородских церквей и монастырей (более 400 предметов первоклассного уровня). Одновременно собор использовался и как культовое здание, которое находилось в пользовании коллектива верующих. Прошло четыре года, и руководство Новгородской губернии обратилось в президиум ВЦИК по поводу судьбы Софийского собора. В документе подчеркивалось, что он занимает первое место среди многочисленных памятников Новгорода, обеспечивших городу крупное значение в истории мировой и отечественной культуры. Руководство Новгородской губернии указывало на то, что коллектив верующих не в состоянии уберечь собор от разрушения, проводить его ремонт и сбережение редчайших и ценнейших памятников русского искусства «в силу естественной отчужденности от интересов научной охраны». Исходя из этих причин, 1 октября 1924 г. был расторгнут договор с коллективом верующих. Новгородский губисполком признал необходимым полностью перевести Софийский собор на положение «му-

зейной единицы», имеющей всесоюзное значение, и просил ВЦИК обеспечить соответствующее финансирование этого памятника мирового значения (ГАНО. Ф. 265. Оп. 3. Д. 75. Л. 116—116 об.). В конце 1920-х гг. богослужения в соборе были окончательно прекращены, и в нем стал функционировать антирелигиозный музей.

На приведенных примерах мы видим, насколько противоречивой была политика по отношению к культурному наследию в 1917—1927 гг. С одной стороны, прилагались большие усилия для того, чтобы создать новую государственную систему его охраны, поставить на учет все имеющиеся в стране памятники истории и культуры. С другой стороны, стремление централизовать эту работу, сосредоточить её исключительно в руках государства вело к тому, что при крайне скромных финансовых возможностях охранных ведомств и музейных учреждений провозглашенные цели и задачи сохранения культурных богатств не могли быть в полной мере реализованы. Усилий высококвалифицированных музейных работников также не хватило на то, чтобы противостоять нигилистическим настроениям по отношению к «барскому добру» среди определенной части общества. Начавшиеся гонения на церковь со стороны официальных властей вели к гибели множества её памятников, если они не составляли «первый ряд» культуры. Опыт совместного использования церковных зданий и имеющихся в них предметов историко-культурного значения музейными органами и коллективами верующих в новых политических и идеологических реалиях не получил развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 265. Оп. 1. Д. 134, 135. Оп. 3. Д. 75.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 28. Д. 23, 77. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 297, 338. Оп. 8. Д. 252.
3. Самарский областной государственный архив социально-политической истории Самарской области (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 29.
4. Культурное строительство в Оренбуржье: Док. и материалы. 1918—1941. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1985. 176 с.
5. Культурное строительство в Тамбовской губернии. 1918—1928: Сб. док. и материалов. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1983. 206 с.
6. Ольминский М. Художественные сокровища (Внимание всех местных Совдепов) // Правда. 1918. 22 окт.

7. Правда.1922. 26 февр.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванов М. В. Коллекционеры и музейные деятели Смоленского края (XIX — первая треть XX в.): биобиблиогр. словарь Смоленск, 2011. 120 с. Режим доступа: http://www.sgii-smol.ru/assets/files/university/kafedry/virtual_lab/biblote4%20musei/Ivanov_M_V__Kollekcioneri-i-muzejnie-deyateli.2011.pdf (дата обращения: 13.02.2019 г.).

2. Марковская Е. В. Николай Николаевич Виноградов, как сотрудник Карельского научно-исследовательского института (1932-1937 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/466.html> (дата обращения: 11.02.2019 г.).

3. Сизинцева Л. И. Николай Николаевич Виноградов (1875—1938). Режим доступа: <http://starina44.ru/vinogradov> (дата обращения: 11.02.2019 г.).

REFERENCES

1. Ivanov M. V. Kollektionery i muzejnye dejateli Smolenskogo kraja (XIX — pervaja tret' XX v.): biobibliogr. slovar' Smolensk, 2011. 120 s. Rezhim dostupa: http://www.sgii-smol.ru/assets/files/university/kafedry/virtual_lab/biblote4%20musei/Ivanov_M_V__Kollekcioneri-i-muzejnie-deyateli.2011.pdf (data obrashhenija: 13.02.2019 g.).

2. Markovskaja E. V. Nikolaj Nikolaevich Vinogradov, kak sotrudnik Karel'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (1932-1937 gg.) [JElektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/466.html> (data obrashhenija: 11.02.2019 g.).

3. Sizinceva L. I. Nikolaj Nikolaevich Vinogradov (1875—1938). Rezhim dostupa: <http://starina44.ru/vinogradov> (data obrashhenija: 11.02.2019 g.).

Рецензенты:

Богданова О.В., канд. ист. наук, доцент Самарского государственного технического ун-та;

Волошина О.Б., канд. ист. наук, доцент Самарского государственного технического ун-та.